

Владимир Стрелецкий

**РЕГИОНАЛИСТИКА
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ:
ОБЛАСТЬ ВЗАИМНЫХ ИНТЕРЕСОВ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Регионы, регионализм и регионализация изучаются, как известно, с разных предметных позиций, но их комплексный, интегральный анализ, нацеленный на выявление взаимосвязей и взаимозависимостей, имеет особенно большое значение. Один из давних, наиболее распространенных и продуктивных научных подходов в сфере региональных исследований – **историко-географический**. Характерно, что в настоящее время, по мере формирования комплексной **регионалистики** как сравнительно новой интегральной научной дисциплины, усиливается ее взаимодействие с другой, уже давно сложившейся дисциплиной, также возникшей на стыке разных наук, – **исторической географией**.

Как подчеркивал еще в середине прошлого века У. Айзард, «классик» *региональной науки*, специфические черты региона и сам путь его исторического развития опосредованы сложнейшим клубком взаимозависимостей: «... в этом клубке переплетаются межрайонные системы населения, обеспеченности ресурсами, размещения производства, местных особенностей хозяйства, распределения доходов между различными социальными группами, состояния платежного баланса, рынков сбыта, центральных мест и городских конурбаций, административной и политической организации, институтов и даже моральных ценностей, стимулов и социальных целей»¹.

В российском общественном сознании конца XX – начала XXI веков широкое распространение получил термин «**регионоведение**», характеризующий соответствующую междисциплинарную область знания, комплекс наук (либо «синтетическую» науку), в фокусе внимания которых и находятся регионы. Сами дефиниции, так же как и определение объекта изучения и конкретных предметных рамок «регионоведения», в трактовках разных авторов довольно сильно различаются. И.Н. Барыгин, профессор факультета международных отношений СПбГУ, предметом регионоведения считает «сам регион, а также его изучение во всех возможных проявлениях и интерпретациях»². Но несмотря на столь широкое определение, де-факто регионоведение трактуется им,

¹ Айзард У. Методы регионального анализа. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1966 [Isard, 1960]. С.25.

² Барыгин И.Н. Регионоведение. М.: Аспект Пресс, 2007. С.27.

главным образом, как комплексная социально-политическая дисциплина, сфокусированная на рассмотрении региональных политических феноменов, в определенной их увязке с экономическими и социальными. Представляется очевидным, что данные аспекты все же не охватывают «всех возможных проявлений и интерпретаций».

Ученые-географы Ю.Н. Гладкий и А.И. Чистобаев особо подчеркивают комплексный, интегральный (и вместе с тем – географически центрированный) характер регионоведения, имеющего своей целью «изучение специфики социально-экономического, политического, культурного, этноконфессионального, природного, экологического развития относительно целостных территориальных образований, именуемых регионами»³. При этом, как подчеркивают авторы, несмотря на широкое использование англоязычного термина *regional science*, регионоведение нельзя считать самостоятельной научной дисциплиной; более того, оно является, по Ю.Н. Гладкому и А.И. Чистобаеву, «неотъемлемой частью географической науки»⁴. В качестве синонимов регионоведения могут также использоваться термины «районоведение», «районология», «регионология», «районография», «регионология», «регионалистика», «регионика» и даже «региональная география» (что симптоматично – при такой трактовке регионоведение есть именно структурная часть географии); однако термин «регионоведение», как отмечают авторы, семантически наиболее точно фокусирует внимание на характеризующее им понятие.

В.А. Дергачев и Л.Б. Вардомский, напротив, разграничивают «*регионоведение*» и некоторые терминологически близкие ему понятия (в частности, «*регионалистику*»). Регионоведение, в их интерпретации, изучает региональные группировки, страны и их регионы как субъекты международных и межрегиональных отношений. Такая трактовка, с одной стороны, частично выводит проблематику регионоведения за рамки традиционного географического дискурса, а с другой стороны, отчасти сужает его предметное поле, акцентирует внимание на регионах, в первую очередь, как на субъектах пространственно-структурных отношений и связей.

Регионалистика же в данной концептуальной схеме мыслится методологической основой регионоведения и исследует «объективные процессы формирования территориальных сообществ (надгосударственных группировок, стран и внутригосударственных административных регионов), стремящихся наиболее эффективно использовать внешние и внутренние факторы развития и противостоять вызовам глобализации»⁵. Существуют и другие дефиниции. Так, регионалистика может рассматриваться как «макродисциплина, которая оперирует обобщенными, итоговыми результатами специализированных

³ Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение. М.: Гардарики, 2002. С.6.

⁴ Там же.

⁵ Дергачев В.А., Вардомский Л.Б. Регионоведение. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – С.4.

исследований, выполненных в рамках отраслевых естественных и гуманитарных дисциплин»⁶. В такой интерпретации регионалистика выступает в роли своего рода связующего звена, объединяющего самые разные направления региональных исследований, и именно эту трактовку разделяет автор данной статьи.

Ключевые понятия регионалистики – регион, регионализм, регионализация, региональный метод. Простейшие трактовки категории «регион» – физико-географическая (регион как сегмент земной поверхности, отличающийся определенной однородностью физической среды) и политико-юридическая (регион как административно-территориальная единица государства). Однако современная регионалистика имеет дело и с более сложными, многомерными трактовками региона. Часто это понятие трактуется в очень широком контексте, охватывает большую совокупность стран и территорий и соотносится с обширными геополитическими зонами, геоэкономическими и геочивилизационными пространствами (во избежание терминологической путаницы в этом значении иногда используется термин «макрорегион»).

Иной концепт региона доминирует в исследованиях регионалистов, работающих на внутривнутристрановом уровне. В западной социокультурной и политической регионалистике широко распространена точка зрения, в соответствии с которой регионы являют собой, прежде всего, самоорганизующиеся территориальные сообщества людей. Являя собой единство в разнообразии, они образуют единицы пространственной таксономии, занимающие как бы промежуточные ступеньки между индивидуумом и государством. Поскольку единство региона мыслится при этом именно как общность людей, при таком исследовательском подходе просто невозможно обойтись без учета фактора исторического наследия. Территориальные общности людей – категории не просто изменчивые, но развивающиеся перманентно, и не случайно одно из самых распространенных в регионалистике понятий – это понятие хронотопа (пространство + время). Временная доминанта в региональном анализе не менее важна, чем пространственная. Ключевые характерные особенности регионов связаны не только с настоящим, но и с прошлым. Сами концептуальные рамки регионального анализа задают необходимость историко-географического исследовательского синтеза.

Историческая география – смежная наука, сформировавшаяся, как известно, на стыке истории и географии. Наиболее широко распространена точка зрения, согласно которой она изучает физическую, социально-экономическую, культурную, политическую географию прошлых эпох в исторической динамике.

Существуют большие различия в определении предмета исторической географии представителями исторической и географической

⁶ Манаков А.Г. Основы культурно-географической регионалистики. Учебное пособие. Псков: Изд-во ПГПУ, 2006. С.5.

наук, а также разных национальных школ исторической географии. В исторической науке историческая география большей частью трактуется как дисциплина, изучающая пространственную сторону исторического процесса, либо как историческая дисциплина, изучающая конкретную географию прошлого той или иной страны или территории. Многие из историков пытались, и иногда небезуспешно, связывать исторические события с особенностями географической среды тех или иных регионов. Однако на практике часто дело сводилось к (несомненно, тоже очень важной) работе по локализации упоминаемых в исторических источниках пунктов, событий и прочих сведений. Иначе говоря, историческая география рассматривалась как сугубо вспомогательная историческая дисциплина, занятая преимущественно решением задач географической «привязки» событий и явлений.

У физико-географов преобладает взгляд на историческую географию как на науку, изучающую изменения природной среды в антропогене (четвертичном периоде), когда появляются человек и человеческое общество. В таком понимании историческая география — лишь один из разделов палеогеографии, объектом исследования в рамках которого является последний, «исторический» этап развития природы Земли (в противоположность грандиозному по продолжительности «доисторическому» этапу). В недрах данного исследовательского направления сложилась особая субдисциплина – историческая география ландшафтов⁷; в настоящее время, наряду с понятием «историческая география ландшафтов» широко используется также термин «историческое ландшафтоведение».

В обществоведческих же и гуманитарных историко-географических дисциплинах (исторической географии населения, социальной, экономической, культурной, политической географии) традиционно основное внимание уделяется изучению т.н. «временных срезов» (особенностей географии общества, характеризующих ту или иную эпоху). Вместе с тем, к исторической географии относят и работы, сфокусированные на изучении истории современных географических объектов, исторических корней сложившейся географии населения, хозяйства, культуры, а также на исследовании эволюции социально-пространственных структур различного уровня иерархии.

Региональные методы исследований, современная концептуализация которых дается в «новейшей» теоретической регионологии, стихийно осваивались исторической географией, тем не менее, с самых первых этапов ее формирования и развития. Нынешний этап интенсивного взаимодействия исторической географии и регионалистики – это фактически лишь завершающая фаза долговременного процесса «освоения» историко-географами региональных исследовательских методов и регионального дискурса.

⁷ См.: Жекулин В.С. Историческая география ландшафтов. Новгород, 1972; он же: Историческая география: предмет и методы. Л.: Наука, 1982.

Национальные школы исторической географии и традиции регионального анализа

Историческая география как особая область знаний⁸ начала формироваться в эпоху Возрождения и Великих географических открытий. Наибольшее значение для её становления имели в XVI в. работы фламандских географов и картографов А. Ортелия и Г. Меркатора, итальянского географа Л. Гвиччардини, в XVII-XVIII вв. – труды голландского географа Ф. Клювера и французского учёного Ж.Б. Д'Анвиля. В XVI-XVIII вв. развитие исторической географии было неразрывно связано с исторической картографией; особое внимание в историко-географических работах уделялось вопросам исторической динамики размещения населения, расселения разных народов, изменениям государственных границ на политической карте мира.

В XIX-XX вв. предмет исторической географии расширился; в круг вопросов её рассмотрения вошли проблемы исторической географии хозяйства, взаимодействия общества и природы в историческом прошлом, изучение исторических типов природопользования и др. Важным и самостоятельным направлением в исторической географии стало также изучение географических представлений прошлых исторических эпох.

Ведущие национальные историко-географические школы, сформировавшиеся в XIX-XX вв., отличаются глубоким своеобразием. Наиболее тесная «смычка» между историей и географией сложилась на рубеже позапрошлого и прошлого столетий во Франции. В русле геоисторического синтеза выполнены главные труды выдающегося французского географа – Элизе Реклю: основанная им знаменитая серия «Земля и люди. Новая всеобщая география»⁹ фактически утвердила роль исторической географии в страноведении и регионоведении. Историко-географические традиции школы Э. Реклю были успешно продолжены в работах представителей французской школы «географии человека» – Поля Видаля де ла Блаша¹⁰ и его последователей (Ж. Брюн, А. Деманжон, Л. Галлуа, П. Деффонтен и др.). П. Видалем де Ла Блашем были сформулированы важнейшие принципы POSSIBILISMA, на многие десятилетия ставшего методологической основой развития не только французской, но и всей западной исторической географии.

Именно во французской школе «географии человека» было сформулировано представление и об историческом районе как главном объекте

⁸ Яцунский В.К. Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV-XVIII вв. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.

⁹ Реклю Э. Земля и люди. Всемирная география. Т. 1-19. СПб.: Изд-во О.Н.Попова, 1898-1906 [Reclus, 1876-1894].

¹⁰ Vidal de la Blache P. Histoire et géographie. Atlas Générale Vidal – Lablache. Paris, 1894; он же: Tableau de la géographie de la France. Paris: Hachette, 1903-1908; он же: Principes de géographie humaine. Paris: Armand Colin, 1922.

историко-географических исследований. Наиболее последовательно понятия «географического района» и «исторического района» разводит Ж. Брюн¹¹. Если географические (т.н. «естественные») районы, по Брюну, являются собой природные единства (тезис, ставший впоследствии объектом жесткой критики Брюна социо- и культур-географами), то районы исторические, всегда «складывающиеся из нескольких единств», суть продукт длительного развития, а их единство «создается волей человека».

В XX в. традиции геоисторического синтеза во французской науке поддерживались также в рамках исторической школы «Анналов», прежде всего в работах Л. Февра¹² и особенно Ф. Броделя. Последний, будучи профессиональным историком, оказал очень глубокое воздействие и на развитие географической науки. Автор капитальных многотомных исторических трудов, главные из которых уже после его кончины были переведены на русский язык¹³, Ф. Бродель уделял первостепенное внимание анализу пространственных структур, специфичных для разных эпох и разных регионов мира. Не удивительно, что в странах Запада этот французский ученый признан «мэтром» регионалистики и до настоящего времени остается одним из самых цитируемых авторов в гуманитарных и социальных науках.

В Германии важный толчок становлению и развитию исторической географии дали работы Ф. Ратцеля – основоположника и лидера немецкой антропогеографии. В фокусе внимания этой научной школы находились вопросы влияния природных факторов на историю разных народов. Также в работах Ф. Ратцеля подробно описывались распространение локальных и региональных комплексов культуры по Земному шару, роль исторических контактов в формировании культуры народов – в неразрывной связи с ландшафтными особенностями соответствующих территорий¹⁴.

Еще со времен А. Гумбольдта и К. Риттера немецкие географы уделяли пристальное внимание изучению вопросов изменчивости облика земной поверхности. Не удивительно поэтому, что именно в Германии родилась концепция культурного ландшафта и были заложены основы

¹¹ Bruhnes J. La géographie humaine. Paris: Armand Colin, 1910.

¹² Febvre L.P.V., Bataillon L. A geographical introduction to history. NY, 1925 [франц.: Febvre, Bataillon, Paris, 1924] и др.

¹³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, 15-18 вв. Т.1-3. М.: Прогресс, 1986-1992 [Braudel, 1967-1979]; он же: Что такое Франция? Кн.1-2. М.: Изд-во им. Сабашниковых 1994-1997 [Braudel, 1986]; он же: Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч.1-3. М.: Языки славянской культуры, 2002-2004 [Braudel, 1949].

¹⁴ Ратцель Ф. Народоведение. СПб.: Просвещение, 1902. Т.1-2. [Ratzel, 1885-1888]; он же: Земля и жизнь. Сравнительное землеведение. Т.1-3. СПб.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1903-1906 [Ratzel, 1901-1902]; Ratzel F. Anthropogeographie. Bd.1. Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte. Stuttgart: J. Engelhorn, 1882. Bd.2. Die geographische Verbreitung des Menschen, Stuttgart: J. Engelhorn, 1891.

историко-географических культурно-ландшафтных исследований¹⁵. Уже авторы первых немецких работ по культурному ландшафту стали применять *методы историко-географических реконструкций*. Так, О. Шлютер четко разводит термины «*Urlandschaft*» – т.е. ландшафт, существовавший до начала широкомасштабного антропогенного воздействия на него, – и «*Kulturlandschaft*» – т.е. ландшафт, формирование которого было приурочено к определенной исторической стадии, когда стало возможным «сотворчество» человека и природы¹⁶. Отметим, что при этом О. Шлютер не ограничивался теоретическими декларациями, но оставил после себя колоссальное научное наследие, в т.ч. в области исторической географии. Его метод широко использовался в эмпирических региональных исследованиях при анализе конкретных геосторических ситуаций, сопутствовавших трансформации первозданных, девственных ландшафтов в ландшафты культурные.

Среди наиболее значительных и масштабных работ здесь следует назвать осуществленное О. Шлютером и его учениками исследование динамики лесопокрытой площади Центральной Европы в эпоху Великого переселения народов в первой половине – середине I тысячелетия н.э.¹⁷. Массовые миграции населения, а также широкое распространение экстенсивного земледелия стали в этот период мощными факторами антропогенизации ландшафтов к северу от Альп и к югу от Ютландии и побережья Северного моря. О. Шлютером была предпринята попытка детальной реконструкции первичных ландшафтов («*Urlandschaft*») Средней Европы и исторических «волн» дефорестации региона, сопровождавших крушение античного миропорядка и становление раннефеодальных отношений. Ввиду специфики проводимой работы, историко-географическое картографирование площадей и контуров лесных массивов (значительно сокращавшихся) и реконструкция архаичных ландшафтов проводились с привлечением многих видов источников, ранее фактически не использовавшихся географами-ландшафтоведами (хроники римских и средневековых историков, активные материалы, данные топонимики и ономастики и т.п.).

Связь с культурно-ландшафтными исследованиями – характерная и специфическая черта немецкой исторической географии. Немецкие историко-географы второй половины XX в., особенно Хельмут Егер¹⁸

¹⁵ *Schlüter O.* Die Ziele der Geographie des Menschen. München: R. Oldenburg, 1906.

¹⁶ *Schlüter O.* Die Erdkunde in ihrem Verhältnis zu den Natur- und Geisteswissenschaften // *Geographische Anzeiger*. 1920. Bd. 21. S.145-152, 213-218.

¹⁷ *Schlüter O.* Die Siedlungsräume Mitteleuropas in frühgeschichtlicher Zeit. Bd.1-2. Remagen: Bundesanstalt für Landeskunde, 1953-1958.

¹⁸ *Jäger H.* Zur Geschichte der deutschen Kulturlandschaften // *Geographische Zeitschrift*. 1963. Bd.51. S.90-143; он же: *Historische Geographie*. Braunschweig: Georg Westermann Verlag, 1969; он же: *Entwicklungsprobleme europäischer Kulturlandschaften*. Darmstadt: Wiss. Buchges., 1987.

и Клаус Фен¹⁹, внесли большой вклад в развитие теории культурного ландшафта. По Х. Егеру, историческая география изучает земное пространство, освоенное человеком в историческом прошлом, используя в первую очередь синхронистический метод «временных срезов» («Querschnitt-Verfahren»). К числу ее важнейших задач Х. Егер относит исследование культурных ландшафтов определенной исторической эпохи в пределах крупных географических макрорегионов Земли²⁰.

Характерно, что в Германии историческая география выросла именно из «лона» географической науки. Но у нее есть своего рода «близнец» и в науке исторической. Это научное междисциплинарное направление, известное в ФРГ под названием «культурно-ландшафтной истории» («Kulturlandschaftsgeschichte»). Оно развивается преимущественно усилиями историков (Х.М. Клинкеберг, Л. Петри, Х. Аубин и др.), но его последователи пользуются многими подходами и методиками, заимствованными из исторической географии, и широко публикуют свои научные труды в географических изданиях. Хотя приверженцы данного направления используют главным образом не синхронистические, а диахронические методы, оно постепенно сближается с традиционной культурно-ландшафтной школой немецкой исторической географии и, по мнению некоторых исследователей, даже может рассматриваться как одно из течений в рамках последней²¹.

В странах англосаксонской языковой и культурной традиции (Великобритании, США и др.) историческая география стала бурно развиваться после Первой мировой войны. Признанным лидером британских историко-географов еще с 1930-х гг. стал Клиффорд Дарби, работы которого в области исторической географии считаются классическим примером успешного использования методологии т.н. «временных срезов», в значительной мере именно им теоретически и обоснованной²². Работы К. Дарби существенно продвинули вперед источниковедческую базу исторической географии, в оборот которой фактически впервые в таких масштабах стали вовлекаться письменные материалы, относящиеся к соответствующим историческим эпохам, причем не только разного рода исторические хроники, но и кадастровые книги земель и прочие официальные документы. Акцент

¹⁹ Fehn K. Zum wissenschaftstheoretischen Standort der Kulturlandschaftsgeschichte //Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft in München. 1971. Bd. 56. S.95-104; Perspektiven der historischen Geographie: Siedlung - Kulturlandschaft - Umwelt /Verf.: K. Fehn. Bonn: Selbstverlag von K.-D. Kleefeld und P. Burggraaff, 1997.

²⁰ Jäger H. Historische Geographie. Braunschweig: Georg Westermann Verlag, 1969. S.86.

²¹ Fehn K. Zum wissenschaftstheoretischen Standort der Kulturlandschaftsgeschichte //Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft in München. 1971. Bd. 56. S.100.

²² Darby H.C. On the relations of geography and history //Transactions and Papers, Institute of British Geographers. 1962. Vol.30. P.1-14.

при этом делался на комплексных и очень тщательных обследованиях небольших территорий, по которым удавалось собрать подробные данные²³. Тем большего уважения заслуживает тот факт, что К. Дарби и его ученикам, наряду с многочисленными локальными (крупномасштабными) исследованиями, удалось подготовить сводные историко-географические труды страноведческого характера²⁴. Схожих взглядов на предмет и содержание исторической географии придерживались и другие ведущие британские историко-географы XX в. – Г. Ист²⁵, Н. Паундс²⁶, К.Т. Смит²⁷. Они, как и Дарби, считали, что главная задача исторической географии – реконструировать географическую картину прошлых исторических эпох, используя комплексный (интегральный) подход.

В США историческая география в период своего формирования испытала сильное влияние идей модернизированного и адаптированного к новейшим научным веяниям географического детерминизма («энвайронментализма»), главными проводниками которого в американском научном сообществе на рубеже XIX-XX вв. были Элсуорт Хантингтон и Эллен Семпл. Отсчет развития американской исторической географии часто ведут с публикации первой книги Э. Семпла «Географические условия в американской истории»²⁸, ученицы Ф. Ратцеля, воспринявшей многие положения его антропогеографии. Ситуация принципиально изменилась в 1920-е годы, когда очевидным стал отход большинства историко-географов от энвайронментализма, на смену которому пришли более «гибкие» и эвристически продуктивные идеи поппуляристов, заимствованные главным образом из западноевропейской географии.

Наибольшее значение для развития американской исторической географии, несомненно, имели работы Карла Зауэра – основоположника знаменитой Берклийской (Калифорнийской) культурно-ландшафтной и историко-географической школы. Главной задачей исторической географии, по Зауэру, является изучение взаимозависимости

²³ Особую известность получило исследование, выполненное английскими историко-географами во главе с К. Дарби на основе детальной обработки территориально-дробных данных т.н. «Книги страшного суда» – земельной описи, произведенной в Англии Вильгельмом Завоевателем в 1086 г. [*Darby H.C. Domesday England. Cambridge: Cambridge University Press, 1977*].

²⁴ *Darby H.C. Historical geography of England before 1800. Cambridge, 1936*; он же: *A new historical geography of England. Cambridge: Cambridge University Press, 1973*.

²⁵ *East W.G. Geography behind history. L.- NY: Nelson, 1938*.

²⁶ *Pounds N.G.J. An historical and political geography of Europe. L.: Harrap, 1947*.

²⁷ *Smith C.T. Historical geography: current trends and prospects //Frontiers in geographical teaching / R.J. Chorley, P. Hagget, eds. L.: Methuen, 1965. P.118-143*.

²⁸ *Semple E.G. American history and its geographic conditions. Boston: Houghton Mifflin, 1903*.

всех составных компонентов ландшафта природного и культурного происхождения, выделяемых для каждого класса явлений, в исторической динамике. В программной работе «Морфология ландшафта»²⁹ культурный ландшафт определялся им как «территория, отличающаяся характерной взаимосвязью природных и культурных форм»; при этом культура интерпретировалась как активное начало во взаимодействии с природной средой, природный ареал – как посредник («фон») человеческой деятельности, а культурный ландшафт – как результат их контакта. Данная мировоззренческая установка, восходящая к классическим традициям географического POSSIBILISMA, была принята последователями Зауэра из числа ученых Берклийской школы, хотя в целом далеко не все американские историко-географы ее разделяли.

К. Зауэр детально исследовал вопросы происхождения культурных растений и исторической географии ранних типов земледельческого хозяйства (особенно в Новом Свете), а также проблемы исторической и культурной географии американских индейцев (преимущественно юго-запада США, Западной и Центральной Мексики). В монографии «Agricultural Origins and Dispersals»³⁰ он выдвинул т.н. экологическую теорию возникновения производства пищи и отстаивал представления о полицентризме происхождения разных типов сельского хозяйства. По Зауэру, древнейший центр земледелия в Старом Свете располагался не на Ближнем Востоке (как в то время считали Г. Чайлд и другие ведущие специалисты по истории неолитической революции), но в Юго-Восточной Азии, а в Новом Свете – в северных предгорьях Анд. Полемизируя с Г. Чайлдом, К. Зауэр утверждал, что земледелие едва ли могло самостоятельно возникнуть в речных оазисах аридной полосы Евразии: они сильно подвержены засухам и наводнениям и их освоение предполагает наличие у местного населения достаточно зрелых гидротехнических навыков. Американский ученый придерживался мнения, что условия для зарождения сельского хозяйства благоприятнее были в более гумидных областях Земли либо в регионах с возвышенным рельефом.

Другим «классиком» американской исторической географии принято считать Ралфа Брауна, концепция которого зиждется на иных, в сравнении с К. Зауэром, методологических принципах. Для Р. Брауна реконструкция географических условий прошлых исторических эпох представляла самостоятельную научную ценность³¹. Процессуальный же

²⁹ Sauer C.O. The morphology of landscape //University of California Publications in Geography. 1925. No.2. P.19-53.

³⁰ Sauer C. Agricultural origins and dispersals. NY.: American Geogr. Society, 1952.

³¹ Brown R.H. Mirror for Americans: likeness of the eastern seaboard 1810. NY.: American Geogr. Society, 1943; он же: Historical geography of the United States. NY.: Harcourt, Brace, 1948.

(генетический) подход к исторической географии, присущий К. Зауэру и другим представителям Берклийской школы, предполагал, что такие реконструкции органично вписываются в контекст анализа эволюционных изменений культурных ландшафтов и необходимы для понимания исторически сложившихся структур расселения, географии современной сельскохозяйственной и других видов человеческой деятельности. С начала второй половины XX в. в американской исторической географии предпринимаются попытки интегрировать оба подхода; примерами этого рода могут служить «синтетическая» концепция исторической географии Эндрю Кларка³² и «геоисторическая» концепция американской истории Уолтера Уэбба³³.

В становлении русской исторической географии в XVIII в. первостепенную роль сыграли работы В.Н. Татищева и И.Н. Болтина, а в XIX в. – труды Н.И. Надеждина³⁴, Н.П. Барсова³⁵, И.П. Филевича³⁶. Историко-географическая проблематика занимает важное место в трудах выдающихся российских историков XIX в. и начала XX в. – С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова.

Как самостоятельное междисциплинарное научное направление российская историческая география оформилась в конце XIX – начале XX вв. В этот период сложилась крупнейшая национальная школа исторической географии, во главе которой стоял академик М.К. Любавский – преемник В.О. Ключевского по кафедре русской истории Московского университета (с 1911 г. по 1917 г. его ректор). «Визитной карточкой» нового направления стала классическая работа М.К. Любавского «Историческая география России в связи с колонизацией»³⁷. Главный же труд великого русского ученого – «Обзор истории русской колонизации» – увидел свет только через 60 лет после его кончины³⁸. Труды М.К. Любавского получили мировое признание и дали толчок

³² *Clark A.H.* Historical geography//American geography: Inventory and prospect / P.E. James, C.F. Jones, eds. Syracuse, NY.: Syracuse University Press, 1954. P.70-105.

³³ *Webb W.R.* Geographical-historical concepts of American history //Annals of the Association of American Geographers. 1960. Vol.50. №2.

³⁴ *Надеждин Н.И.* Опыт исторической географии русского мира //Библиотека для чтения. 1837. Т.22; он же: Об этнографическом изучении народности русской //Записки Русск. Геогр. об-ва. СПб., 1847. Т.2.

³⁵ *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. География начальной летописи. Варшава: Библ. Я. Кротова, 1873.

³⁶ *Филевич И.П.* История древней Руси. Т.1. Территория и население. Варшава, 1896.

³⁷ *Любавский М.К.* Историческая география России в связи с колонизацией. М.: Типо-Литография И.И. Любимова, 1909; 2-ое изд.: СПб.: Изд-во «Лань», 2000.

³⁸ *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М: Изд-во Моск. Ун-та, 1996.

первому «взлету» российской исторической географии, в которой в дореволюционные годы появились работы комплексного характера, выполненные профессиональными историками³⁹. Большое значение имели и историко-географические исследования региональной направленности (Ю.В. Готье. П.Н. Буцинского, Д.И. Багалая).

Параллельно этому историко-географическая проблематика заняла важное место и в трудах русских антропогеографов, получивших широкую известность благодаря великолепным регионально-историческим описаниям⁴⁰.

В СССР историческая география развивалась в большей степени усилиями профессиональных историков, нежели географов, в связи с чем она трактовалась в советский период преимущественно как историческая научная дисциплина (В.К. Яцунский, Л.А. Гольденберг, Л.Г. Бескровный, А.В. Муравьев, В.В. Самаркин, Я.Е. Водарский, В.М. Кабузан и др.). Вопросы исторической географии разрабатывались в трудах многих ведущих советских историков (М.Н. Тихомировым, А.Н. Насоновым, Б.А. Рыбаковым).

Наибольшее признание в отечественной исторической географии середины – второй половины XX в. получили работы В.К. Яцунского и его последователей. Именно В.К. Яцунскому, считавшемуся лидером советской школы исторической географии, принадлежит наиболее широко распространенная в советский период дефиниция предмета этой научной дисциплины, неоднократно воспроизводившаяся в многочисленных историко-географических изданиях. Историческая география, по В.К. Яцунскому, «должна на основе периодизации, принятой в исторической науке, дать ряд характеристик физической, экономической и политической географии данной страны или территории на соответствующие моменты времени»⁴¹. Соответственно, им выделялись историческая физическая география, историческая география населения, историко-экономическая география и историко-

³⁹ Кузнецов С.К. Русская историческая география, курс лекций читанных в Московском археологическом институте в 1907/08 г. М.: Изд-во Моск. археологич. ин-та, 1910; Середонин С.М. Историческая география. Лекции читанные проф. С.М. Середониным в Петроградском Археологическом институте, посмертное издание. Пг.: Тип. гл. упр. уделов, 1916; Спицын А.А. Русская историческая география. Пг.: Императорский Петроградский археологич. ин-т, 1917.

⁴⁰ Безобразов В.П. Народное хозяйство России. Московская (Центральная) промышленная область. СПб.: Изд. Департамента торговли и мануфактур, 1882-1885; Крубер А.А. Антропогеография. Вып.1-2. М.: Изд. Моск. ун-та, 1913-1914; Россия. Полное географическое описание нашего Отечества (под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского и под общ. рук. П.П. Семенова-Тян-Шанского и В.И. Ламанского. В 19 тт. - СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1899-1914; Синицкий Л.Д. Очерки земледелия (Антропогеография). Пг., М.: Книгоиздат. т-во «Книга», 1923 и др.

⁴¹ Яцунский В.К. Историческая география как научная дисциплина // Вопросы географии. Сб. 20. 1950. С.13-41.

политическая география. Естественно, как писал В.К. Яцунский, что «все элементы науки должны быть изучаемы не изолированно, а в их взаимной связи и обусловленности», а географические характеристики предыдущих периодов должны быть не статическими, а динамическими, то есть показывать процесс изменения пространственных структур. «Схема Яцунского» неоднократно воспроизводилась во многих работах советских историков, обращавшихся к историко-географической проблематике.

Региональный метод достаточно широко использовался в историко-географических исследованиях, проводившихся профессиональными географами⁴². Сохранилась традиция историко-географического анализа и в геурбанистике. Типичными сюжетами историко-географического изучения городов можно считать анализ изменений их географического положения, функциональной структуры, динамики городской сети в пределах той или иной страны или территории. Исторической географии городов отведено много места в обзорных трудах ведущих российских урбанистов⁴³. Сравнительно обособленное положение среди направлений российской исторической географии заняла школа Л.Н. Гумилёва, разработавшего собственную концепцию взаимосвязи этноса и ландшафта и трактовавшего историческую географию как народоведение⁴⁴.

Важный толчок развитию исторической географии в СССР во второй половине XX в. дало издание специализированных историко-географических сборников под эгидой Всесоюзного географического общества. В них публиковались статьи не только географов и историков, но и представителей многих смежных наук – этнографов, археологов, демографов, экономистов, специалистов в области топонимики и ономастики, фольклористики⁴⁵. С конца XX в. фактически новым на-

⁴² Бернштейн-Коган С.В. Волго-Дон: историко-географический очерк. М.: Изд-во АН СССР, 1954; Витвер И.А. Историко-географическое введение в экономическую географию зарубежного мира. М.: Географгиз, 1963; Иофа Л.Е. Города Урала. М.: Географгиз, 1951; Кабо Р.М. Города Западной Сибири: очерки историко-экономической географии. М.: Гос. изд. геогр. лит., 1949; Покишиевский В.В. Заселение Сибири: историко-географические очерки. Иркутск: Иркут. обл. гос. изд-во, 1951 и др.

⁴³ Лаппо Г.М. География городов. М.: Владос, 1997; Перцик Е.Н. Города мира. География мировой урбанизации. М.: Международные отношения, 1999; Пивоваров Ю.Л. Основы геурбанистики. Урбанизация и городские системы. М.: ВЛАДОС, 1999.

⁴⁴ Гумилев Л.Н. По поводу предмета исторической географии // Вестник ЛГУ. Серия геологии и географии. 1967. №6. С.120-129 и др.

⁴⁵ Историческая география России / Вопросы географии. Сб. 83 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков, Н.П. Никитин, Я.Е. Водарский. М.: Мысль, 1970; История географических знаний и историческая география. Матер. Моск. фил. Геогр. Об-ва СССР. Вып.5. М.: Изд-во МФГО, 1975 и др.

правлением, возрождающимся спустя несколько десятилетий в России, становится историческая география культуры⁴⁶. Стремлением сблизить профессиональные позиции историков и географов, возродить историческую географию именно как целостную дисциплину, были продиктованы организация с 1996 г. Научного семинара по исторической географии при Институте географии РАН в Москве и выпуск трёх «Вестников исторической географии»⁴⁷. В свою очередь, на базе Института всеобщей истории РАН в начале XXI в. был организован Центр исторической географии, инициировано издание ежегодных сборников «Историческая география» (первый том⁴⁸ вышел в 2012 г.).

Взаимодействие географов и историков в области региональных исследований остается серьезной проблемой, в исторической географии все еще отчетливо проявляются междисциплинарные перегородки. Профессиональные историки и географы, занимающиеся проблемами исторической географии, недостаточно знают работы «смежников», зачастую проводят даже схожие исследования фактически в отрыве друг от друга. *Концепция региона*, успешно преодолевающая крайности номотетического и идеографического полюсов в гуманитарных и общественных науках, как раз и может стать тем связующим звеном между учеными-историками и географами, которое бы и обеспечило возможность реального геоисторического синтеза.

В этом отношении анализ опыта развития мировой исторической географии в XX в. имеет чрезвычайно большое значение. Конечно, сложившиеся междисциплинарные перегородки проявляются, так или иначе, в развитии гуманитарных и социальных наук и в странах Запада⁴⁹, где уже традицией стало проводить различие между понятиями *историческая география* и *геоистория*. Первая из них рассматривается преимущественно как пространственная дисциплина, относящаяся к системе географических наук, вторая – как преимущественно историческая дисциплина. Историческую географию, в сравнении с геоисторией, отличает большее внимание к вопросам пространственной неоднородности изучаемых феноменов, их внутренней дифференциации в исторической динамике. В свою очередь, геоистория – дисциплина, в большей мере «вписанная» в проблемное поле раз-

⁴⁶ Манаков А.Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков: Центр «Возрождение при содействии ОЦНТ, 2002; Суций С.Я., Дружинин А.Г. Очерки по географии русской культуры. Ростов - н/Д: СКНЦ ВШ, 1994 и др.

⁴⁷ Вестник исторической географии. Вып. 1. М.–Смоленск: Изд-во Смоленского гумм. ун-та, 1999; Вып.2. М.–Смоленск: Изд-во «Ойкумена», 2001. Вып.3. М.: Изд-во «Эслан», 2005.

⁴⁸ Историческая география. Т.1. / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М.: Кругъ, 2012.

⁴⁹ См., в частности: Baker A.R.H. Geography and History: Bridging the Divide. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; Historical geography: Progress and prospect / Ed. by M. Pacione. – L.-Sydney-Wolfeboro, New Hampshire, 1987

нообразных смежных гуманитарных и общественных наук. Ее развитие в странах Запада в XX в. было тесно связано с исторической геополитикой, а в последнее время также и с геоэкономикой – сравнительно новой, формирующейся научной дисциплиной. Понятие региона в западной геоистории занимает, как и в исторической географии, одно из ключевых мест в научном тезаурусе. Но «геоисторические» регионы, как правило, более крупные пространственные образования, чем те, что исследуются историко-географами, и рассматриваются часто как целостности, без учета (или почти без учета) их внутреннего хронологического разнообразия.

И все же грань между исторической географией и геоисторией достаточно условна, и во многих случаях разделить исторический и географический дискурс в работах западных исследователей практически невозможно. Граница между этими дисциплинами «прозрачна» и не мешает ученым – географам и историкам, «освоившим» методологию *регионального анализа*, – эффективно проводить комплексные и «стыковые» исследования.

Историко-географический синтез в региональных исследованиях: тенденции и перспективы

Отметим несколько характерных тенденций, отличающих взаимодействие исторической географии и регионалистики в настоящее время.

Во-первых, одним из важнейших проявлений этого взаимодействия становится все больший разворот регионалистики в сторону комплексного, синтетического исследования пространственных и временных структур. Как известно, в исторической географии традиционно широко используется метод т.н. «временных срезов», позволяющий, в большей или меньшей степени, реконструировать картину географии конкретного общества в конкретную эпоху. Но существенным недостатком данного метода является статичность анализа, поскольку динамике исследуемых явлений при этом уделяется гораздо меньше внимания, чем их текущему состоянию. В этой связи особый интерес представляет наметившийся в зарубежной науке поворот ученых-регионалистов в сторону изучения именно динамических, эволюционных в широком смысле, процессов, без чего немислим подлинный синтез истории и географии. Статические «срезы» географической картины той или иной эпохи, безусловно, сохраняют свое значение как одно из важных научных направлений региональных исследований, но они никоим образом не могут покрыть собой все их проблемное и тематическое «поле».

Во-вторых, в конце XX в. – начале XXI в. в развитии регионалистики, испытавшей со стороны т.н. «новой» западной исторической географии глубокое влияние посмодернистских мировоззренческих установок и подходов, отмечается известная смена исследовательских

акцентов. Все большее внимание в ней уделяется *историко-географическому изучению нематериальных феноменов*, в т.ч. представлений о географическом пространстве и среде обитания у разных территориальных общностей людей и в разные исторические периоды. В известном смысле в регионалистике меняется сам историко-географический дискурс. Самый очевидный пример этого – подлинный «бум» в странах Запада исследований феномена региональной идентичности на рубеже XX–XXI вв.

В-третьих, очевидной тенденцией развития современной регионалистики становится широкое внедрение *принципа полимасштабности* в региональные историко-географические исследования. Особенно характерна эта тенденция в исследованиях феномена культурного регионализма; от выбора масштаба, *локуса* историко-географического исследования региональных культур зависит очень многое: культурные регионы имеют свою иерархию. Культурная идентичность как бы многоярусна: можно одновременно себя ощущать гентуэцем («местечковый» патриотизм), лигурийцем, итальянцем, человеком Средиземноморской Европы, всей Европы, западной цивилизации в целом. Как отмечал известный социолог, один из основоположников политической регионалистики ФРГ Х.-Г. Велинг⁵⁰, в Германии (которую часто и справедливо называют подлинной «лабораторией регионализма») местечковое – земляческое – региональное – национальное самосознание (*Wir-Bewusstsein*) образуют как бы разные пространственные «концентры» единой культурной идентичности.

Современный регионализм все более определяется и обуславливается возрастанием функций как места, так и социального времени. Поэтому учет роли унаследованных структур в региональном развитии имеет не только теоретическое, но и огромное практическое значение, позволяя в т.ч. грамотно и верно определять приоритеты региональной политики. Выработка стратегий регионального развития и конкретных технологий их реализации во многом зависит как раз от того, с какими унаследованными социальными и пространственными структурами приходится сталкиваться при определении региональных приоритетов применительно к той или иной территории. Внимание современной регионалистики к историко-географической проблематике объясняется многими причинами, но в т.ч. и практическими, вполне рациональными. Усвоение и творческая переработка наследия российских историко-географических школ, достижений до-революционной антропогеографии и богатейшего опыта мировой исторической географии являются в этом отношении задачами перво-степенной важности.

⁵⁰ Regionale politische Kultur / Red.: H.-G. Wehling. Stuttgart - Berlin - Koeln - Mainz: Kohlhammer, 1985. S.11.